

Мотивы обиды и возмездия в повести Н.В. Гоголя «Шинель»

Ф. Бельтраме
ТРИЕСТ

Гоголевскую «Шинель» можно принять за своеобразное повествование об обиде и возмездии. Причем значимость обоих мотивов определяется не столько степенью их важности в развитии сюжета, сколько их морально-этической и эстетической функциями. И оригинальность самой повести в целом, привлекая к ней внимание читающей публики и безусловно повлиявшая на дальнейшее развитие русской литературной традиции, оказывается в прямой зависимости от их интерпретации.

Оба мотива появляются уже в экспозиции, хотя мотив возмездия там еще развивается подспудно: на него как будто намекают многозначительные замечания от лица повествователя о том, что «во избежание всяких неприятностей...» «...лучше не называть в каком департаменте» происходят события, описываемые в повести, потому что «ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и ... должностных сословий» (3: 141)¹. Искупительного возмездия, вероятно, добивается и обиженный капитан-исправник.

Явно преобладающий мотив обиды, усиливаясь, начинает как бы пронизывать все повествовательное пространство – от микрокосмов частного лица и отдельного чиновника до макрокосмов общества и государственного аппарата. Ведь подобный мотив развивается по метонимическому принципу, чем собственно и объясняется, почему «теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество» (3: 141), а упомянутый капитан-исправник видит в оскорблении своего чина задетым весь бюрократический аппарат.

Принимая же во внимание общий смысл экспозиции и художественные средства изображения, выбранные писателем, можно предположить, что Го-

---

¹ Здесь и ниже тексты писателя цитируются с указанием тома и страниц в круглых скобках по следующему изданию: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.: Издательство АН СССР, 1937-1952.

голь, строя повествование в явно ироническом ключе, старался предупредить и ослабить возможную резкую реакцию своих читателей, чтобы они ни в коем случае не реагировали на его произведение так, как капитан-исправник после чтения «какого-то романтического сочинения» (3: 141).

Безусловное превалирование мотива обиды подчеркивают и основные черты главного героя «Шинели». Они словно делают его родственным той литературной традиции, в которой, как замечает В. Гиппиус, «скрещивались две основные темы – сентиментально-моралистическая тема обиженного судьбой "бедного человека", не непременно чиновника, и сатирико-дидактическая тема ничтожного чиновника»². Ведь обижают не какую-то яркую, сильную, волевою и романтическую личность, а совсем заурядного человека, мелкого чиновника. Злые шутки, насмешки и издевки со стороны сослуживцев не выбивали его из привычной колеи жизни. Он переносил их покорно и терпеливо. Могло бы даже показаться, что он относился к ним, как к своему дыханию.

Словно судьба, определив его в род Башмачкиных и дав ему происходящие от древнегреческого слова «vakako» (незлобивый, невинный) имя и отчество Акакий Акакиевич, как будто наказала ему в жизни всегда быть «под башмаком»³, терпеть унижения и обиды. Для этого она сделала его бедным до «последней грани обмеления» (по известному выражению Ап. Григорьева), послушным, безответным и, по сути, совсем беззащитным и в быту, и на службе перед лицом, большей частью, черствых, циничных, честолюбивых, а зачастую, и подлых окружающих.

Не исключено, что Гоголь, очень интересовавшийся средними веками, хотел также ассоциативно связать имя своего героя с «акакием» – мешочком, наполненным пылью, который византийские императоры держали в руках на торжественных церемониях коронации. Содержимое мешочка должно было тогда напоминать будущему монарху и всем присутствующим о бренности тела, чьим бы оно ни было, и иллюзорности любой власти перед Волей Всевышнего⁴. Имя гоголевского персонажа, весьма вероятно, должно было также наводить на мысль о том, что даже самый «последний» человек – страдающий и нуждающийся – создан Богом, наделен Им душой, а поэтому и жизнь его, и личность следует ценить.

Эту же идею внушает и единственная свободная от косноязычия, а потому и наделенная особой значимостью, фраза Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» (3: 143). В ней выразилась, как подметил безымянный персонаж повести, своеобразная мольба не забывать о том, что даже самый ничтожный и унижаемый человек все-таки «брат твой», тем самым за-

² Gippius V. Gogol. Brown University Slavic reprint 1. Providence: Brown University Press, 1971. С. 128.

³ Объяснение этого крылатого выражения см.: Максимов С.В. Крылатые слова. Нижний Новгород, 1994. С. 252.

⁴ См.: Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968. С. 85; Палиевский П. В. Пушкин в движении европейского сознания // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). Доклады российской делегации. М., ИМЛИ РАН, 2002. С. 125.

служивающий достойного к себе отношения. Именно в «братстве во Христе», определенно связанном с основным моральным зарядом повести, история бедного чиновника побуждает искать спасения от зла, столь часто причиняемого окружающими и судьбой.

Причем в устах Акакия Акакиевича единственная его вразумительная фраза звучала лишь в тех случаях, «если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом» (3: 143). Как будто не собою тогда дорожил он, а делом, ему доверенным. Хотя лично он все испытания, кажется, готов был претерпеть, но от соблюдения своего долга отказать никак не мог. Тогда и рождался в нем – «маленьком человеке» – соразмерный его значению, характеру и привычкам и ослабленный в его устах протест, похожий, скорее, на мольбу.

Ведь Башмачкин имел свойство настолько тщательно переписывать вверенные ему документы, что не только не мог допускать какие-либо ошибки или неточности, но даже вносить в тексты, когда это было угодно начальству, минимальные изменения.

Комментируя подобную безрассудную добросовестность столь старательного переписчика казенных бумаг, некоторые исследователи повести сочли возможным сравнить его работу с кропотливым трудом средневековых монахов-писцов, создававших копии священных книг, абсолютно верные оригиналам. Но, в отличие от монахов-писцов, у Акакия Акакиевича, как пишет М.Н. Эпштейн, «любовь к букве не придерживается ничем, никаким величием смысла»⁵. Гоголевский персонаж русским словам, записывая их буквами введенного Петром I «гражданского шрифта», придает чиновный, бюрократический и светский облик. При этом упрощенный алфавит как бы выхолащивает смысл слов, будто лишая их духовности и глубины, так что уже и форма, вроде бы, перестает «подчиняться» содержанию. Таким образом, верность Акакия Акакиевича текстам не основана на прямой зависимости правописания от Православия – орфо-графии от орто-доксии⁶, а сводится лишь к укоренившейся в нем привычке механически копировать полностью выхолащенные буквенные конфигурации.

Мотиву служения государству – также одному из важнейших в повести – оказывается созвучен мотив форменной одежды – и в данном случае – шинели. Именно шинель становится для Акакия Акакиевича столь значимой, что как будто начинает в его глазах затмевать собою государственную службу, отчего, против своего обыкновения, «один раз, переписывая бумагу, он чуть-было даже не сделал ошибки» (3: 155). И, если ранее, «вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало» (3: 145), то, с тех пор как все его мечты и чаяния были обращены исключительно к «идее» новой шинели, которая в его воображении даже уподобилась «приятной подруге», служение ей становится «целью» его жизни, придает смысл всему его существованию.

⁵ Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин (к образу переписчика) // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988. С.70.

⁶ См.: Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Firenze, 1987.

Как в средневековье рыцарь посвящал себя и служил своей возлюбленной и, часто находясь далеко от нее, подвергаясь лишениям и опасностям, идеализировал и превозносил ее в своем воображении⁷, так и Акакий Акакиевич подверг себя тяжелым для него испытаниям, обрек себя на еще большую нужду, «зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» (3: 154). Но, в отличие от рыцаря, Акакий Акакиевич посвящает себя фетишу, поэтому он и смешон, хотя и вызывает сочувствие. Он чем-то напоминает Дон Кихота, который нередко в своем воображении облагораживал самое обычное, заурядное, а иногда, и строго порицаемое. Мир представлений Башмачкина, впрочем, гораздо уже, а цель банальнее и вещественнее, так что его образ можно принять лишь за некоторую весьма сниженную пародию на Дон Кихота. В ключе подобной аллюзии, пусть и с большой степенью условности, становится допустимым сравнение унесенной грабителями шинели с похищением или пленением красавицы-возлюбленной какого-нибудь рыцаря. Вполне уместным кажется тогда и вопрос Д. Чижевского о том, «ни есть ли этот ночной грабитель какое-то видоизменение сильного соперника любовных сюжетов?»⁸

Образ шинели вполне соотносим и с широким понятием «чести мундира», характеризовавшим важнейший элемент дворянской и офицерской этики, к нормам которой власти при Николае I старались приобщить разночинцев и вообще всех чиновников.

Истоки же понятия «чести мундира» следует искать в средневековой рыцарской этике. В частности, в старофранцузской поэме (conte) «О плаще чести» (Du Manteau d'Honneur), принадлежащей перу Бодуэна де Кондэ (Baudouin de Condé)⁹, аллегорический образ плаща символизировал те моральные качества, которыми дворянин (preudome) непременно должен был обладать. А среди рыцарских добродетелей, основной считалась именно честь.

Неизвестно, знаком ли был с этим произведением сам Гоголь, но понятию «чести мундира» он безусловно придавал особое значение, аллегорически связывая честное служение государству с форменной одеждой – шинелью.

Кстати, ко времени написания повести мундир в России носили все состоявшие на государственной службе. В 1834 г. «Высочайше утвержденное положение о гражданских мундирах» предписывало чиновникам являться на службу в вицмундирах. А в 40-е годы XIX века, в одной из докладных Николаю I, граф С.С. Уваров писал о необходимости воспитания у подданных глу-

---

⁷ Об отношении рыцаря к женщине см. рассуждения Гоголя в статье «О средних веках»: «Женщина средних веков является божеством... для ней суровый рыцарь... налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, "все для того, чтобы быть достойным повернуться к ногам своего божества"» (8: 21).

⁸ Чижевский Д. О «Шинель» Гоголя // *Современные записки* Т. LXVII. 1938, Париж. С. 188.

⁹ Бодуэн де Кондэ – трувер XIII века, заметно повлиявший на развитие куртуазного жанра во французской литературе.

бокого уважения к государственной службе – чтобы и к гражданской службе чиновничество относилось, как к делу чести¹⁰.

Параллельно усиливалась тенденция производить выслужившихся чиновников в «благородное сословие». До 1845 г., когда был обнародован манифест, существенно сузивший возможность получения дворянства «по выслуге», все чиновники, занимавшие на гражданской службе чины с 14 по 9-й класс, обрели личное дворянство¹¹. Таким образом, и Акакий Акакиевич, исполнявший обязанности переписчика, т. е. чиновника 14-ого класса по «Табели о рангах», но, достигший чина титулярного советника, соответствовавшего 9-ому классу, тоже относился к числу новопроизведенных дворян.

В повести обращают на себя внимание две интерпретации «чести мундира»: одна – по духу, а другая – по букве. Первая касается отношения Башмачкина к государственной службе, которое отличается чрезвычайной добросовестностью. Вторая же, формальная, связана непосредственно с его форменной одеждой – шинелью. Акакий Акакиевич «теряет себя», как только истинное понятие «чести мундира» начинает затмеваться ложным значением, связанным с его растущей страстью к вожаденной шинели.

Таким образом, утрата шинели оказывается для Акакия Акакиевича не только материальной, но и моральной потерей. Ведь благодаря новой шинели, Башмачкин «впервые в департаментской среде означен как социальная единица»¹². Новая шинель способна спасти его от морозов и болезней, но, главное, она служит ему защитой от насмешек и унижений со стороны сослуживцев.

Очевидно, поэтому и реакцию Акакия Акакиевича на кражу шинели можно считать как бы «первым шагом героя на пути открытия собственного достоинства, человечности, желания защиты собственных прав»¹³.

Впрочем, самостоятельно восполнить потерю он никак не мог, а защищать себя не умел, и все же на этот раз не стал он терпеть обиду, а кое-что предпринял – законопослушно и верноподданнически обратился за помощью к властям, но, к несчастью, обманулся в надеждах. Среди его обидчиков оказались даже те, кому по долгу службы надлежало его защищать или, уж во всяком случае, не оставлять без содействия: это и будочник, свидетель ограбления, но как будто ничего не заметивший; и частный пристав, не устыдившийся задать потерпевшему неуместные и оскорбительные вопросы.

Не оказало никакого покровительства горемыке Башмачкину и «значительное лицо». Напротив, как заметила В.Е. Ветловская, «генерал обошелся с Акакием Акакиевичем хуже разбойников. Те сняли с него новую шинель, а генерал набросился на раздетого Акакия Акакиевича... Те Акакия Акакиевича раздели, а этот огрел, доведя своим "распеканием" до смертельной горячки. Те

¹⁰ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С.176.

¹¹ Раскин Д. И. Исторические реалии биографий русских писателей XIX – начала XX вв. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С.594.

¹² Дилаторская О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. Владивосток, 1986. С. 145.

¹³ Там же. С. 147.

толкнули его в снег, этот – дальше, в холод могилы... Разбойники оставили Акакию Акакиевичу жизнь, а генерал, довершив разорение, отнял и ее»¹⁴.

Неправедные представители власти «в союзе» с неумолимым петербургским морозом и довели искавшую у них защиты и покровительства жертву до тяжелой болезни и смерти.

Так, с кончиной героя повести и последовавшей за ней авторской эпитафией («И Петербург остался без Акакия Акакиевича...» – 3: 169), сюжетное развитие мотива обиды полностью исчерпывает себя.

Но еще там, где в повести рассказывается о последних днях жизни героя, в ее сюжете набирает все большую силу мотив возмездия, подспудно развивавшийся со строк экспозиции, который постепенно, художественно и логически, подчиняет себе мотив обиды. Судя по намекам, усматриваемым в ткани текста, в горячке и бреде Акакий Акакиевич вновь переживал то, что с ним случилось на яви. И душа его, жаждавшая справедливости, уже не будучи ограничена привычными рамками, пусть еще приглушенно и невнятно, начинала негодовать и роптать (а в ранней редакции повести даже прямо угрожать генералу, обещая отнять шинель), что может рассматриваться как своеобразное предвосхищение последующего продолжения сюжета.

А если принять во внимание первоначальное название произведения – «Повесть о чиновнике, крадущем шинели», то вполне мотивированным оказывается предположение о том, что именно в мотиве возмездия заключается самое «сакральное идейное ядро повести»¹⁵, которое история несчастной жизни Акакия Акакиевича, закончившись она его смертью, так и не смогла бы выразить.

Интерпретация же этого мотива, скорее всего, была связана с тем, как слово «возмездие» понималось при жизни Гоголя. А тогда, судя по «Словарию» В.И. Даля, под «возмездием» подразумевались: «воздаяние, награда и кара, плата по услугам, вознаграждение; возврат, отдача»¹⁶. Определение слова и помогает понять, почему Гоголь начал свой рассказ о странных явлениях Акакия Акакиевича с того света замечанием, «что суждено ему на несколько дней прожить шумно после его смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь» (3: 169).

Некоторые нереалистические черты, придающие повести «фантастическое окончание», а также авторская ирония бросают тень амбивалентности на мотив возмездия. Ведь мстит на петербургских улицах за Акакия Акакиевича какой-то призрак, снимающий с прохожих шинели, в котором двое из ограбленных – сослуживец Акакия Акакиевича и «значительное лицо» – узнали покойного Башмачкина. Но, как уже было отмечено Ю.В. Манном, сам автор нигде не отождествляет таинственного грабителя со своим героем, а опознание его жертвами ограблений носит двусмысленный характер и остается не под-

¹⁴ Ветловская В. Е. Повесть Гоголя «Шинель» (трансформация пушкинских мотивов) // Русская литература. 1988. № 4. С.62.

¹⁵ Купреянова Е. Н. Н. В. Гоголь // История русской литературы в 4-х томах. Т. 2. Л., 1981. С. 575.

¹⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981. С. 228.

крепленным вескими доказательствами¹⁷. Таким образом, рассказы об имевших место разбоях, подозрение в совершении которых будто бы падало на мертвеца-чиновника, вполне возможно, могли оказаться плодом городских сплетников.

Слухи, впрочем, свидетельствовали о каком-то внимании общества к несчастной судьбе этого «микроскопически» «маленького человека», что уже само по себе являлось, в сущности, особой формой «награды».

Они же городские сплетники – этот причудливый *vox populi* – определили, что мстит призрак чиновника не вора, унесшим его новую шинель, а как бы всему обществу. Д. Николаев, рассуждая о характере подобной мести, пришел к выводу, что «протест... направлен против существующей чиновно-бюрократической иерархии, против жизненного уклада, при котором главным является чин, а не человек»¹⁸. А когда чин заслоняет человека, то общество становится душевно черствым, равнодушным и бессердечным. И, очевидно, за эти отрицательные качества, в которых нагляднейшим образом проявляются «попранные людьми заповеди братства»¹⁹, призрак Акакия Акакиевича наказывал общество.

Причем возмездие осуществлялось на физическом, психическом и моральном уровнях, т. е. на тех же уровнях, где прежде наносились и набирали силу обиды Акакия Акакиевича.

Так, «по причине ночного сдергивания шинелей», насмерть перепуганные потерпевшие оказывались еще и «подвержены совершенной простуде» (З: 170). Но особенно сильному воздействию подверглось «значительное лицо». Примечательно, что не призрак снимает с него шинель, а сам генерал отдает ее, что позволяет истолковать «награду» и как форму «отдачи, оплаты нравственного долга, отдачи "долгов наших", которые выступают в виде той же шинели»²⁰. Мучимый угрызениями совести и чувством вины, высокопоставленный чиновник даже повинился в содеянном и как будто раскаялся, хотя о его полном перерождении говорить явно не приходится. Как заметила О.Г. Дилаторская, генерал испытал «нравственное потрясение», которое его «привело к сильной терпимости и снисходительности... Чудо человеческое, чудо преображения только на миг осветило жизнь, вновь соскользнувшую в концовке в абсурд и пошлость»²¹.

Именно этическая перспектива и определила главную художественную характеристику мотива возмездия. Ведь «фантастический элемент» в окончании повести, по справедливому суждению В.Н. Мочульского, «составляют те

¹⁷ Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 92-93.

¹⁸ Николаев Д. Сатира Гоголя. М., 1984. С. 213.

¹⁹ Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989. С. 154.

²⁰ Там же. С. 175.

²¹ Дилаторская О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. С. 176.

страхи и привидения, которые являются в фантазии человека, как результат смущенной совести»²².

Но, поскольку фантастическое окутывает и «награду», и кару тенью амбивалентности, они кажутся лишь возможными, воображаемыми, гипотетическими. Если бы они выглядели, как вполне реальные и безусловные, то это означало бы, что Гоголь захотел здесь показаться нам моралистом. А он поступил как художник и вовсе не для того, чтобы, затеяв бессмысленную игру с читателями, сначала предлагать им своеобразную «компенсацию» за их эмоциональное участие в судьбе героя, с тем чтобы потом превратить ее в нечто нереальное²³. Это, вероятно, противоречило бы гоголевскому представлению о высоком назначении писателя и этической направленности его творчества. Амбивалентная трактовка мотива возмездия, скорее всего, соответствовала стремлению автора стать совестью общества. Гоголь, весьма вероятно, пытался воздействовать на читателей, чтобы они не оставались равнодушными к бедам «маленького человека».

Сила его художественного мастерства оказалась столь действенной, что призрак Акакия Акакиевича начал беспокоить и даже преследовать некоторых современников писателя. В «Былом и думах» А.И. Герцен, в частности, упомянул о том, что как-то в разговоре с Е. Коршем на призрак пожаловался попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов, одно из наиболее значительных тогда лиц. «Какая страшная повесть Гоголева «Шинель», – сказал в тот раз Строганов Е. Коршу, – ведь это привидение на мосту тащит просто с каждого из нас шинель с плеч. Поставьте себя в мое положение и взгляните на эту повесть». – «Мне о-очень т-трудно, – отвечал Корш, – я не привык рассматривать предметы с точки зрения человека, имеющего тридцать тысяч душ»²⁴.

Благодаря гоголевской интерпретации, мотивы обиды и возмездия оказали существенное влияние на общественное сознание, не только способствуя созреванию реформаторского климата, но и предвосхищая реакции тех «маленьких людей», которые почувствовали себя в дальнейшем обойденными реформами Александра II.

---

²² Мочульский В. Н. Малороссийские и петербургские повести Гоголя. «Записки Императорского Новороссийского университета». Т. 88. Одесса, 1902. С. 486.

²³ Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. С. 94.

²⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1956. С. 194-195.